

И. С. КОЗЛОВСКИЙ — красноармеец Полтава, 1920—1921 гг. (Фото публикуется впервые).

1923

ГОД. Руководители Полтавской оперы решили подкрепить труппу профессиональными артистами и расширить репертуар. И вот в Киев поехал специальный уполномоченный — артист Поливанов. Он пригласил в Полтавскую оперу главным режиссером Э. И. Юнгвальд-Хилькевича, в ту пору молодого режиссера. Но главная его цель была раздобыть премьеру-тенора и попутно еще ряд певцов. Группа певцов быстро была подобрана, а с премьером-тенором положение несколько осложнялось.

С тенорами всегда туга, а Поливанов к тому же обязательно хотел заполучить «известного» артиста и вел длительные «дипломатические» переговоры с популярным в то время в Киеве артистом И-вом.

Надо сказать, что работа в те годы в Полтавской опере была не очень заманчивой: театр существовал «на выручку», труппа была бедная, заработка плата актеров низкая. Выручка кассы делилась среди работников театра по «марочной системе» — от одной до четырех марок на брата — с учетом занятости актеров и их «положения». Но все это никого не смущало. Разве в годы становления Советской власти оперные певцы не репетировали в шубах, питаясь хлебом и морковным чаем? Все равно наступал вечер, вспыхивали софиты, и со сцены неслось: «Любви все возрасты покорны...» или «Милая Аида...», и зрители, сидящие в зале в валенках и шубах, забывали, что обнаженной темнокожей Аиде приходится выступать при нулевой температуре.

Еще до приезда Поливанова в Киев Э. И. Юнгвальд-Хилькевич и другим работникам Киевской оперы приходилось слышать от артистов, побывавших в Полтаве, о молодомтеноре Иване Козловском. Было известно, что он, с отличием окончив Киевский музыкально-драматический институт, ушел в армию и был направлен в Полтаву, где служил красноар-

Повесть будет напечатана в журнале «Москва» в 1963 году.

«...Я БУДУ ПЕТЬ!»

ГЛАВА ИЗ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ПОВЕСТИ «И. С. КОЗЛОВСКИЙ — НАРОДНЫЙ АРТИСТ»

мейцем в инженерных войсках. Рассказывали, что, когда в Полтаве организовалась любительская опера, недреко можно было видеть стройного юношу в военной форме, направляющегося верхом на лошади в театр петь Фауста или Ленского.

Все это заранее располагало к молодому певцу, и когда режиссер узнал, что И-в все еще тянет, не дает согласия, требуя четыре марки, то он напомнил о том, что у них, кажется, есть свой хороший молодой тенор, на что Поливанов ответил:

— Усі горобці чирикають у Полтаві про Козловского, його там усі знають, своїх мы не беремо! Нам потрібний тенор з Києва!

И-в все же согласился на две с половиной марки, и в тот же день все выехали.

Оперный театр в Полтаве разместился в музыкальном училище. Сразу же стали готовить оперу «Риголетто». В труппе, кроме приехавших из Киева, были и свои замечательные артисты: бас Плещаков, сопрано Старостенецкая и другие. Коллектив оказался дружным и очень работоспособным, так что спектакль выпустили гораздо раньше намеченного срока. Билеты на первое представление брались с боя. Волновались все: и артисты, и зрители. Все сияли! Новый спектакль — праздник! Только у И-ва лицо было пасмурным. Перед началом он вышел на сцену, посмотрел через дырочку занавеса в зал и пробурчал:

— Вот это сбор! — и раздраженно сказал Поливанову, пребывающему уже в образе Спарафучиле:

— А вы со мной торговались...

В нетопленом помещении стало жарко. В театр прорвались и «зайцы» — молодежка, не сумевшая

раздобыть билетов. Зал буквально ломился от публики.

Спектакль шел с подъемом. Этому способствовали дирижер Ерофеев, оркестр, хор. И даже буря на улице словно подпевала певцам на сцене. От сцены к сцене нарастал успех. И вдруг во втором антракте что-то надорвалось — не в зале, а за кулисами. С испуганным лицом пробежала kostюмерша. В комнату И-ва прискользнули Поливанов-Спарафучиле и представитель оркестра Ирлин. На несмолкаемые аплодисменты И-в больше не выходил. Наконец, к режиссеру подбежал помощник.

— Беда! — зашептал он так

громко, что сразу вокруг стали собираться люди. — И-в не хочет продолжать спектакль, требует четырех марок, но в коллективе принципиально не хотят дать их под таким нажимом, ведь он же актер!

К тому же знает, что все остальные играют почти даром!

Режиссер был вполне согласен с коллективом. Но публика? Она

то тут при чем? Он стоял растерянный, а часы показывали, что

скоро конец антракта. В зале слышалось уже движение публики, возвращающейся из фойе на свои места. Режиссера окружили артисты хора, балета.

— Козловского! Просите Козловского! — раздалось со всех сторон.

Да! Это был единственный выход. Позвали Поливанова. Взволнованный, большой, со сбившимся набок париком, он даже не сразу

понял, о чем говорят, наконец, сообразив, рванул себя за бороду.

— Не! Замість И-ва искать Козловского! Що, ви з глузду зъяхали?

Треба дать И-ву хоть три с половиною марки! Я его уговорю,

— и Поливанов, не обращая внимания на протесты, опять бросился в комнату Герцога.

Но тот не сдался. Не сдался и обиженный коллектив. Режиссер с делегатом от оркестра решили ехать к Козловскому. Узнали адрес. Он жил у тетки в маленьком домике на Панинке.

Из-за кулис выход был только через сцену в зрительный зал. И

вот режиссер и представитель оркестра, закутанные, с поднятыми воротниками, спустились с боковых ступенек сцены прямо в зал.

Их, конечно, тут же узнали, зал зашумел еще сильнее: аплодисменты, крики, топот...

Выскочив на улицу, под проливным дождем, окутанные туманом, почти наугад они пробежали полквартала, пока на углу не наткнулись на извозчика. Режиссер что есть духу

крикнул:

— На Панинку!

После настойчивого скока дверь отворила маленькая старушка и,

не дослушав до конца прибывших, крикнула куда-то в глубину:

— Ванечка! До вас пришли из театра!

На зов появился высокий стройный юноша и, когда из сбивчивых

просьб и объяснений понял, након-

ец, что его просят заменить в спектакле И-ва, был заметно озабочен.

Глядя в его голубые ясные глаза, и режиссеру, и музыкантам было сказать правду. Но вот кого-то из них осенила мысль, которая, пожалуй, и сыграла решающую роль: «Публика! Публика ждет! Она ни в чем не виновата!»

Этого было достаточно. Ничего больше не спрашивая, Козловский быстро оделся, и все трое помчались в театр.

С момента отъезда представителей прошел по меньшей мере час, но публика не покидала своих мест, из зала не вышел ни один человек! Когда через зрительный зал на сцену проследовали три закутанные фигуры, шум в зале усилился, но в возмущенном шуме уже звучали нотки примирения, надежды. Многие узнали Козловского.

Сбросив пальто, Иван Семенович заявил:

— Прежде всего я должен поговорить с И-вом, не сделав этого, я не смогу петь.

И. С. КОЗЛОВСКИЙ в роли Герцога («Риголетто»). Полтава, 1923 г.

Не теряя времени, он сразу же направился в гримировальную комнату Герцога, следом двинулись окружающие. Когда молодой певец вошел к «киевской знаменитости», тот сидел перед трельяжем в костюме Герцога, но уже без парика. Поздоровавшись, Козловский назвал себя и спросил, не будет ли тот возражать, если он по просьбе коллектива заменит его в спектакле.

— Это дело ваше, если у вас хватит смелости выступать вместо меня!

Молодой певец вышел из комнаты.

— Теперь я буду петь! — сказал он твердо.

Но следовало, наконец, успокоить публику. К ней вышел помощник режиссера и объяснил, что спектакль, прерванный по вине артиста И-ва, будет продолжен и что в роли Герцога выступит Иван Семенович Козловский. Раздались

ovationи, какие редко доводится слышать. Вся публика хором кричала: «Просим! Просим!..»

— Ни пуха ни пера, — уже в кулисе успел шепнуть режиссер. Занавес медленно пополз. В кулисах негде было яблоко упасть. Режиссер, конечно, больше всего волновало то, что молодой артист не репетировал с оркестром и с партнерами и даже не знал мизансцен, но он запел — и все об этом забыли. Голос — как весенняя звонкая капель, чистая, ни с чем не сравнимая! И как актер он был созвучен с партнерами, и в действиях, и в певческом ансамбле он делал все правильно, не потому, что ему это показал режиссер, а движимый своим внутренним чувством правды. Песенку Герцога он повторил семь раз! И каждый раз с почти неуловимой новью.

По окончании спектакля к Козловскому подошел режиссер Э. И. Юнгвальд-Хилькевич и сказал:

— Ванечка! Вы прелестны! Я убежден, что очень скоро вы станете большой знаменитостью, и, если мы с вами встретимся где-нибудь,

куда вы приедете на гастроли, как солист Большого театра, — не забудьте дать мне контрамарку!..

Это показалось Ивану Семеновичу настолько необычным и фантастичным, что он испуганно прознечил:

— Что вы, что вы, бог с вами!..

А. КУЗНЕЦОВА